

УДК 811.161.1'373.611

**МОДИФИКАЦИОННЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ
В СФЕРЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВАСИЛИЯ АКСЁНОВА)**

© 2014 г.

А.В. Спиридонов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Aleshandro@mail.ru

Поступила в редакцию 28.05.2013

Выявляются основные типы окказиональных существительных с модификационными словообразовательными значениями в произведениях Василия Аксёнова. Авторские неологизмы-существительные рассматриваются в рамках более общего вопроса о природе и причинах создания индивидуально-авторских новообразований.

Ключевые слова: окказиональные существительные, модификация, типология, В. Аксёнов.

Окказиональное словотворчество характеризует идиостиль многих писателей. В художественных текстах оно получило распространение в силу своего экспрессивно-эстетического потенциала. «Окказиональное слово является особой средой, порождающей эстетически значимые смыслы, формирующие его мотивационную структуру, доминирующим компонентом которой становятся авторские мотивационные признаки» [1, с. 340].

Изучением индивидуально-авторских новообразований в различных аспектах занимались Е.А. Земская, С.В. Ильясова, А.Г. Лыков, Р.Ю. Намитокова, Н.А. Николина, Т.В. Попова, Л.В. Рацибурская, И.С. Улуканов и многие другие.

Предметом настоящего исследования стали окказионализмы одного из ярких писателей современности – Василия Павловича Аксёнова. Художественное и стилистическое своеобразие его романов обусловлено отступлением от языкового канона, языковой игрой, оценочностью лексики, а также постоянными лингвистическими новациями.

Цель настоящей статьи – охарактеризовать авторские неологизмы-существительные В. Аксёнова с модификационным типом словообразовательного значения, поскольку именно такая семантика лежит в основе креативного преобразования исходного слова.

Окказиональная лексика В. Аксёнова, созданная по моделям русского модификационного словообразования, до настоящего времени не была предметом специального исследования.

Материалом для анализа послужили тексты романов [9–12].

Прежде чем перейти к непосредственному анализу фактического материала, определим,

что включает в себе понятие «модификационное словообразовательное значение». Оно «представляет собой некоторый дополнительный (модифицирующий, видоизменяющий) компонент значения, присутствующий в мотивированном слове и отсутствующий в мотивирующем» [2, с. 265]. Л.А. Араева характеризует данный тип семантики следующим образом: производные с модификационным значением составляют с мотивирующими одну и ту же часть речи, со специфическим набором модификаций значений в каждой из них. Лексическое значение мотивирующего полностью входит в семантический объём мотивированного [3, с. 25].

По мнению дериватологов, модификационное словообразование объединяет словообразовательные модели (типы) разной семантической природы. Для производных существительных модификационного словообразования, пишет Л.В. Красильникова, характерна двойственная природа. Она обнаруживается в сложном сочетании объективной и субъективной информации, передаваемой производным. Модификационные дериваты автор делит на три большие группы: производные первой группы передают разного рода модификации объективного (диктумного) характера (значения «женскость», «невзрослость», «единичность», «множественность»/«собирательность», «подобие»; в производных второй группы наблюдается тесная связь, спаянность рациональной (объективного характера, или диктумной) и эмоциональной (субъективной, или модусной) оценки/ <...> модификационные производные третьей группы стилистически маркированы как разговорные варианты нейтральных или официальных бытовых предметов [4, с. 118].

Перейдем к анализу основных типов модификационных словообразовательных значений, свойственных окказиональным существительным В. Аксёнова. Их формулировка даётся по «Русской грамматике» [2] и по «Толковому словарю словообразовательных единиц русского языка» Т.Ф. Ефремовой [5].

1. Самыми частотными в исследуемых окказионализмах являются субъективно-оценочные значения. Они представляют для нас особый интерес, так как обладают наиболее сильной экспрессией: «Субъективно-оценочные преобразования слов – это <...> обширная система многоаспектных и функционально разнообразных средств выражения экспрессивной оценки <...> прагматических характеристик высказываний и текстов» [6, с. 388].

А. Уменьшительное (диминутивное) значение, как правило, сопровождается дополнительными семантическими компонентами – ласкательностью или, наоборот, уничижительностью.

Новообразования-существительные с семантикой уменьшительности могут создаваться с помощью суффикса *-ек-* в результате чересступенчатого словообразования, под которым понимается «образование слов с пропуском любого количества словообразовательных звеньев. <...> Механизмом чересступенчатого словообразования управляет закон аналогии» [7, с. 47]. Рассмотрим следующий пример: *Заливистый короткий кашлешочек Виктора Малаевича. Ясно, что еще и КУРИЛЬЩИК* [11, с. 10]. Модель образования: *кашель* → (*кашлешок*) → *кашлешочек*, ср.: *кивочек, тычочек* и др.

Иногда окказионализмы, образованные по данной модели, могут обладать дополнительным оттенком ласкательности: *Во всяком случае, однажды, когда я допоздна засиделся за компьютером, бесконечный шум Резервуара был на секунду покрыт рычком заводящегося мотора* [12, с. 196]. Авторский неологизм образован по модели: основа *рык* + суффикс *-ок-* → *рычок*, ср.: *грибок, листок, чайк* и др.

Субъективно-оценочная семантика может выражаться с помощью других формантов. Так, суффикс *-ишк-* позволяет придать слову оттенок пренебрежительности: *Свернув с людной улицы в городской парчишко с еще уцелевшими гипсовыми пионерами, он пустился бежать* [12, с. 433]. *Парк* + *-ишк-* → *парчишко*, ср.: *городишко, письмишко, домишко* и др. В.В. Химик в словах, образованных с помощью данного суффикса, выделяет семантический компонент ‘неказистый, непритязательный, нередко жалкий’ [6, с. 378], который в данном контексте, безусловно, также имеет место.

Уменьшительно-ласкательное значение может быть выражено и суффиксом *-инк-*: *Стас не откажет, он будет только в восторге, ведь он здесь истосковался без московского-то духа – ну без этой нашей своеобразинки* [9, с. 39], ср.: *лукавинка, слабинка* и др. Окказионализм образован путем чересступенчатого словообразования: *своеобычный* → (*своеобычина*) → *своеобычинка*.

С помощью суффикса *-очк-* создаются имена существительные женского рода с субъективно-оценочным (ласкательным) значением: *Продавищицы в мужских галошах на босу ногу метались среди картонных пирамид, визжали, попадая в пытливые руки ревизора, дрожали, как помпеяночки, под обвалами скороходовской затоваренной продукции* [11, с. 216]. *Помпеянка* – ‘жительница города Помпеи’ + суффикс *-очк-* → *помпеяночка*, ср.: *казаночка, киевляночка* и др.

В ряде случаев подобные новообразования встречаются в рифмованных фразах, что сближает их с пословицами и поговорками: *Народоволочка в платье с иголки!* [11, с. 221].

Образования с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-очк-* могут сопровождаться оттенком фамильяризации и, как следствие, семантико-стилистическим снижением: *С возвращеньцем в вашу биологию, в ваше любимое, со звездами, пространствочко* [9, с. 416]. Модель образования: основа *пространство* + суффикс *-очк-*.

Б. Увеличительное (аугментативное) значение. По мнению В.В. Химики, оценочные существительные-аугментативы делятся на две группы: увеличительные дериваты (квантификаторы), выражающие непосредственно размерную оценку объекта, и усилительные дериваты (квалификаторы), обозначающие метафорическую размерность, то есть интенсификацию оценки [6, с. 383]. Отметим, что окказионализмы первого типа в текстах Аксёнова практически не представлены.

Существительные-квалификаторы могут быть созданы при помощи разных словообразовательных средств. В частности, при помощи суффиксов *-ищ(е)* и *-ин(а)*. Рассмотрим следующий контекст: *Возле них крутится высокопоставленный Фотий Фёлович Клезмцов, предатель родины Фотографии, заглядывает преданно прежним друзилицам в лица; никто не видит собственного его лица* [12, с. 246]. Модель образования окказионализма: основа *друг* + интерфикс (асемантический элемент) *-ил-* + суффикс *-ищ(е)* → *друзилице*. Следует подчеркнуть, что в узуальной речи формант выражает конкретно-предметное значение, ср.: *уди-*

лице. В индивидуально-авторском употреблении слово *друзилице*, на наш взгляд, выражает именно увеличительно-оценочный компонент семантики.

Другой способ – новообразования с префиксоидом *мега-*. В одном случае перед нами квалификатор: *Ей следовало затмить всех звезд своим неповторимым мегасиянием* [10, с. 184], ср.: *мегапроект, мегазвезда* и др. В другом – квантификатор: *Нет-нет, Уолт, мы говорим о восьмизначных числах. Мегабюджет, колоссальный «пакет», все должно быть на высшем уровне!* [10, с. 326], ср.: *мегаструктура, мегаполис* и др.

Наконец, аугментативное значение реализуется с помощью префикса *ультра-*, выражающего крайнюю степень проявления того, что названо мотивирующим именем существительным: *Замечено было также, что и несколько щуплых хасидов дрогнули при виде нашей строгой ультрафемини* [10, с. 543], ср.: *ультраконсерватор, ультрареакционер* и др.

2. Стилистическая модификация.

Данный тип преобразования семантики производящей основы может выражаться различными способами, но в текстах романов Аксёнова основным является образование лексических единиц с помощью суффикса *-енциј/-енц-*. Этот словообразовательное средство широко используется в русской разговорной речи: например, с его помощью создаются так называемые шуточные синонимы мотивирующих слов: *книженция, собаченция, старушенция* и т. п. Подобные окказионализмы могут служить разным целям, чаще – в качестве средства выражения иронии. Так, осмеянию в романах Аксёнова могут подвергаться отдельные персонажи: *Да, забыл упомянуть великолепный головенц Вадима Мирославовича с его заметным носом* [12, с. 220]. В этом случае окказионализм меняет свою родовую принадлежность: ср.: *голова* (ж. р.), *головенц* (м. р.).

Иронической коннотацией обладают окказионализмы, обозначающие конкретные предметы: *Двойра тут же вошла, неся его рубашку, носки и новую, второго срока, костюменцию, все отглаженное и даже слегка дымящееся неожиданной свежестью* [10, с. 105]; *На каждую туфленцию, можем вас заверить, ушел без остатков бэби-крокодил* [9, с. 308], ср.: *бумаженция, итукенция* и др.

Не чужда автору и самоирония: *Тут мы добавим кое-какую наблюденцию по поводу нравов* [10, с. 271].

Наконец, данный суффикс служит для оформления авторских неологизмов, представляющих собой имена собственные: *Для привилегированных следственных тюрем, вроде*

«Фортециш», Прокуренция не скупилась на фирменные приборы [12, с. 61]: основа *прокуратура* + суффикс *-енциј-* → *Прокуренция*.

Во всех случаях стилистическая модификация сопровождается коллоквиализацией преобразованного слова, т. е. приобретением им разговорной окраски.

3. Значение подобия. В текстах В. Аксёнова окказиональные существительные мужского рода со значением лица, которое подобно тому, что названо мотивирующим именем существительным, очень часто образуются при помощи аффиксоида *-оид-*.

В одном случае данное значение сопровождается пейоративной окраской: *Я не хочу никаких пакетов, никаких родственников, никаких театров и уж тем более никаких Россией с их андропами и андропоидами, из-за которых тебе разрывают кишки и переламывают челюсть* [10, с. 141]. Модель образования: основа *Андропов* + суффиксоид *-оид-* → *андропoid*.

В другом случае лексема является стилистически нейтральной: *Даже англичанин, не говоря уже о славяноидах, не сможет произнести «рт» в середине этого слова, как нечто вроде «д», но уж никак не «д»* [10, с. 104].

4. Значение стоящего (в какой-либо классификации) над тем, что названо мотивирующим словом.

Данный тип значения может выражаться при помощи префикса *супер-*. Например, в «Новом сладостном стиле» один из персонажей, Норманн, говорит о своём начальнике – миллиардере Стенли Корбахе – следующее: *Проклятый супер-Корбах сидит в своем халате, как император* [10, с. 234]; ср. другой контекст: *Вашими молитвами, Ваше Величество Король Шутов! – так отвечивал супер-Корб* [10, с. 238]. В обоих случаях префикс *супер-* обозначает признак в максимальной степени (речь идет о богатстве, так как Стенли Корбах – самый богатый из многочисленного рода Корбахов) и старшинство в роду (Стенли Корбах – самый старый из всего семейства).

Данное значение может выражаться и с помощью префикса *над-*: *Мы на всех парах движемся к феномену «надчеловечества»* [9, с. 428]. Как следует из контекста, *надчеловечество* – это переход человечества на качественно новый уровень развития. Модель образования: префикс *над-* + основа *человечество* → *надчеловечество*, ср.: *надсемейство, надсистема, надзаголовок*.

5. Значение отсутствия того или противоположности тому, что названо мотивирующим словом.

Проанализируем следующий пример: *Не будь за плечами этой смехотворной отсидки,*

быть может, проскочил бы мимо Анисьи Пупущиной, а так вот не проскочил: девица шла ему навстречу, сияя всеми своими данными как воплощенная **антитюрьма** [10, с. 17]. Окказионализм образован от основы *тюрьма* с помощью иноязычного префикса *анти-*. В этом контексте у него появляется новое значение: 'всё то положительное, что находится за пределами тюрьмы', в то время как данное словообразовательное средство выражает прежде всего значение отрицания, ср.: *антитоталитаризм, антифашизм* и др.

Префикс *анти-* может вносить в семантику окказионализма положительную, с точки зрения автора, коннотацию: *Отложив гитару, Олег встал на одно колено перед Ее Величеством и воскликнул: «Да вот же она перед нами, комсомольская богиня, Ашка-антикомсомолочка!»* [12, с. 419]. Здесь можно наблюдать языковую игру: использование контекстуальных антонимов – *комсомольская богиня* и *антикомсомолочка*.

Наконец, для реализации непосредственного отрицания используется префикс *не-*: *На иных образах «Ада», в которых почтеннейшая публика увидит кое-что знакомое, но главной темой будет любовь, суть земной любви и не-суть небесной* [10, с. 25]. Автор с помощью дефисного написания акцентирует внимание на неузвальном характере лексемы.

6. Собирательное значение представлено в существительных, называющих совокупность того, что названо мотивирующим словом.

В одном случае существительное со значением собирательности является относительно нейтральным: *Пруд в эту пору кишит жизнью. Тон в ней, конечно, задают жабы. <...> Фон этим солистам создает какофония мелкого лягушанства* [9, с. 92]. Данный окказионализм образован по модели: основа *лягушк(a)* + суффикс *-анств(о)* со значением 'союз, объединение тех, кто назван мотивирующим словом' → *лягушанство*. Здесь наблюдается словообразовательная игра: формант *-анств(о)* выступает в нехарактерном для него значении собирательности, в то время как лексемы с данным суффиксом обычно имеют значение 'приверженцы, сторонники учения того, кто назван мотивирующим словом' ср.: *нищиеанство, фабианство, гумбольдтианство* и др.

В другом случае экспрессема обладает негативной окраской: *Паук серпа-и-молота все еще висит на крыше, однако рядом с ним сидят «Роллекс», «Самсунг» и прочая капханалия* [9, с. 64]. Слово *капханалия* в этом контексте означает совокупность различных фирм, которые появились в России в 90-е года XX века, а пейоративную окраску данная лексема приобретает

благодаря схожести звучания с лексемой *вакханалия*, обозначающей 'шумное, разгульное пиршество'. Модель образования: *капитал + вакханалия* → *капханалия*. В данном случае перед нами – неузвальный способ образования новой лексической единицы, а именно контаминация, представляющая собой, по определению Т.В. Поповой, сложение начальной и конечной частей двух слов [8, с. 44].

Менее частотными в художественных текстах В. Аксёнова являются окказиональные существительные с семантикой женскости и невзрослости.

7. Значение женскости. Слова с этим значением именуют живое существо, такое же, как названное мотивирующим словом, но принадлежащее к женскому полу. Довольно часто они образуются при помощи суффикса *-иц(a)/-ниц(a)*, например: *фельдшерница, буфетчица, воспитательница* и др.

Проанализируем следующий контекст: *Подумать только — питерская хиппница <...> становится бакалавром, полезным членом академического содружества!* [9, с. 157]. Окказиональное слово *хиппница* образовано от основы *хиппи* при помощи суффикса *-ниц-*, ср.: *жительница, школьница*.

8. Значение невзрослости живого существа, названного мотивирующим словом.

Данное значение часто сопровождается иронией, разговорной фамильярно-стилистической окраской, характерной для экспрессивного словообразования: *Я вижу в тебе обыкновенного человечёныша* [9, с. 595]. Окказионализм *человечёныш* образован при помощи суффикса *-ёныш-* от основы *человек*, ср.: *детёныш, несмышлёныш, зверёныш, утёныш, гадёныш* и др.

Таким образом, основными типами модификационных значений окказиональных существительных В. Аксёнова являются субъективно-оценочные (димиутивное и аугментативное) значения; стилистическая модификация; значение подобия; значение стоящего (в какой-либо классификации) над тем, что названо мотивирующим словом; значение отсутствия того или противоположности тому, что названо мотивирующим словом; собирательное значение; значение женскости и значение невзрослости живого существа.

Словообразовательная модификация существительных, активно используемая Аксёновым при образовании новых слов, позволяет ему максимально наглядно, чётко и ясно расставить все акценты, показать своё отношение не только к отдельным героям, но и к событиям, происходящим в том или ином романе. Создание окказионализмов с пейоративной окраской превали-

рует над словами с нейтральной или положительной оценкой.

Сниженный стиль в текстах романов Василия Аксёнова не является самоцелью, а является набором средств, используемых для придания тексту характера некоторой непринужденности и раскованности. Модификационные словообразовательные значения в сфере окказиональных существительных позволяют автору максимально реализовать экспрессивный потенциал русского словообразования.

Список литературы

1. Сидорова Т.А. Когнитивный аспект традиционных проблем словообразования и морфемики: Монография. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, 2012. 480 с.
2. Русская грамматика. I т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 784 с.
3. Араева Л.А. Словообразовательный тип. М.: Либроком, 2009. 272 с.

4. Красильникова Л.В. Словообразовательный компонент коммуникативной компетенции иностранных учащихся-филологов: На материале суффиксальных существительных: Монография. М.: МАКС Пресс, 2011. 360 с.

5. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1 900 словообразов. единиц. М.: АСТ: Астрель, 2005. 636 с.

6. Химик В.В. Экспрессивно-оценочный потенциал русского модификационного словообразования. // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. М., 2010. С. 376–389.

7. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т. 1. Словообразовательные гнезда. А-П. М.: Русский язык, 1985. 856 с.

8. Попова Т.В. Русская неология и неография. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. 96 с.

9. Аксёнов В.П. Кесарево свечение. М.: Изографус; Эксмо, 2002. 640 с.

10. Аксёнов В.П. Новый сладостный стиль. М.: ИЗОГРАФ, 1997. 560 с.

11. Аксёнов В.П. Ожог. М.: Эксмо, 2011. 672 с.

12. Аксёнов В.П. Редкие земли. М.: Эксмо, 2007. 448 с.

DERIVATIONAL MODIFICATION MEANINGS IN THE SPHERE OF OCCASIONAL NOUNS (ON THE MATERIAL OF VASILY AKSYONOV'S NOVELS)

A.V. Spiridonov

This article identifies the main types of occasional nouns with derivational modification meanings in Vasily Aksyonov's novels. This author's nouns-neologisms are examined in a wider context of the discussion about the nature of and the reasons for creation of new words by individual authors.

Keywords: occasional nouns, modification, typology, V. Aksyonov.

References

1. Sidorova T.A. Kognitivnyj aspekt tradicionnyh problem slovoobrazovaniya i morfemiki: Monografiya. Arhangel'sk: Severnyj (Arkticheskij) federal'nyj universitet im. M.V. Lomonosova, 2012. 480 s.

2. Russkaya grammatika. I t. / Pod red. N.Yu. Shvedovoj. M.: Nauka, 1980. 784 s.

3. Araeva L.A. Slovoobrazovatel'nyj tip. M.: Librokom, 2009. 272 s.

4. Krasil'nikova L.V. Slovoobrazovatel'nyj komponent kommunikativnoj kompetencii inostrannyh uchashchihsya-filologov: Na materiale suffiks'al'nyh sushchestvitel'nyh: Monografiya. M.: MAKS Press, 2011. 360 s.

5. Efremova T.F. Tolkovyj slovar' slovoobrazovatel'nyh edinic russkogo yazyka: ok. 1 900 slovoobrazov. edinic. M.: AST: Astrel', 2005. 636 s.

6. Himik V.V. Ehkspressivno-ocenochnyj potencial russkogo modifikacionnogo slovoobrazovaniya // Novye yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii: sistema i funkcionirovanie. M., 2010. S. 376–389.

7. Tihonov A.N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka: v 2 t. T. 1. Slovoobrazovatel'nye gnezda. A-P. M.: Russkij yazyk, 1985. 856 s.

8. Popova T.V. Russkaya neologiya i neografiya. Ekaterinburg: Izd-vo GOU VPO UGTU-UPI, 2005. 96 s.

9. Aksyonov V.P. Kesarevo svechenie. M.: Izografus; EHksmo, 2002. 640 s.

10. Aksyonov V.P. Novyj sladostnyj stil'. M.: IZO-GRAF, 1997. 560 s.

11. Aksyonov V.P. Ozhog. M.: Ehksmo, 2011. 672 s.

12. Aksyonov V.P. Redkie zemli. M.: Ehksmo, 2007. 448 s.